

И.А. Крылов

**Полное собрание
сочинений**

Том 1: Проза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К85

К85 **Крылов И.А.**
Полное собрание сочинений: Том 1: Проза / И.А. Крылов – М.: Книга
по Требованию, 2019. – 487 с.

ISBN 978-5-518-07686-0

ISBN 978-5-518-07686-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Все тексты сочинений и писем сверены по сохранившимся автографам и авторизованным изданиям и освобождены от сторонних и цензурных искажений, погрешностей и неточностей в тех случаях, где удавалось это сделать. В издание введен ряд новых вариантов, извлеченных из черновых рукописей и прижизненных публикаций.

Материалы каждого тома делятся на две группы. В основной раздел тома входят все законченные художественные произведения Крылова. Второй раздел включает дополнительные материалы: переводы, произведения, приписываемые Крылову, незавершенные отрывки и пр.

В число приписываемых Крылову произведений включены лишь те из них, принадлежность которых ему является достаточно убедительной и аргументированной.

Сохраняя основные особенности языка Крылова, редакция печатает тексты по общепринятым в настоящее время орфографическим нормам, отказавшись от буквального воспроизведения архаической и противоречивой орфографии изданий XVIII и начала XIX века.

Издание снабжено примечаниями, приводящими основные данные об источниках, по которым печатается текст, историю его публикации, данные о первых сценических постановках, объяснения ряда намеков и имен.

Крылов является глубоким народным писателем, великим представителем русской культуры. Еще при его жизни Белинский, откликаясь на выход издания басен Крылова, писал о творчестве великого русского писателя-баснописца:

«В его духе выразилась сторона духа целого народа; в его жизни выразилась сторона жизни миллионов. И вот почему еще при жизни его выходит *сороквая тысяча* экземпляров его басен, и вот за что, со временем, каждое из многочисленных изданий его басен будет состоять из десятков тысяч экземпляров. Вот и причина, почему все другие баснописцы, вначале пользовавшиеся не меньшей известностью, теперь забыты, а некоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского»*.

В наше советское время басни Крылова вышли в сотысячных тиражах. Многочисленны издания его басен на языках народов

* Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. V, Сиб., 1901, стр. 266.

Советского Союза. Настоящее Полное собрание сочинений И. А. Крылова должно дать советскому читателю исчерпывающее представление о его многосторонней творческой деятельности — поэта-баснописца, прозаика, драматурга. Сатирическая проза Крылова, его пьесы и стихи во многом дополняют и обогащают представление о Крылове-баснописце, показывая внутреннее органическое единство всего творчества великого русского писателя.

Настоящее издание выходит под редакцией Демьяна Бедного при участии Д. Д. Благого, Н. Л. Бродской, Н. Л. Степанова.

ПОЧТА ДУХОВ,

или

*Учения, нравственная и критическая переписка
арабского философа Маликульмулька с водяными,
воздушными и подземными духами*

ИЗВЕСТИЕ О СЕМ ИЗДАНИИ

Попотрять здесь известие, выданное о сем издании, было бы излишним, если бы не удостоверил самый опыт, что подобные листки большей частью бывают утрачиваемы, почему за небесполозное почтено в начале самого издания поместить оное, дабы каждый из читателей мог видеть предмет издаваемой переписки славного в своем роде волшебника, с некоторою притом, по случившимся обстоятельством, против выданного известия нужною для сведения переписки.

Секретарь истинно присланный сюда арабского волшебника Маликульмульк, имеющего великое отвращение к башенным домам и расположившись несколько времени прожить здесь и н к о г н и т о, сим объявляет, что он по намерению и обещанию своему начал выдавать переписку сего знатного в своем роде г о с п о д и н а с воздушными, воздушными и подземными духами. Издание сие будет очень любопытно для тех, кои не путешествовали под водою, под землею и по воздуху. Он уверяет, что сочинители сих писем—все духи очень таковые и что сам Маликульмульк—человек пресамолюбивый, который всегда говорит хорошо только о себе, отзываясь иногда об них не худо и рассказывает, будто многие из них очень добрые духи; но только иные не любят крючкотворцев, ростовщиков и лицемеров; и иные не жалуют щегольства, волокитства и мотовства, и оттого-де они никак не могут ужиться в нынешнем просвещенном свете видными: почему ходят в нем не в д и м к а м и и бывают иногда так дерзки, что посещают в самые к р и т и ч е с к и е часы комнаты щеголих, присутствуют в кабинетах вельмож, снимают очень безбожно маски с лицемеров и выкрадывают иногда очень на-

так и против всех прав общежития из записных книжечек любовные письма, тайные записки, стихи и проч., — чем-де многие делают беспокойства в любовных интригах и плутовствах а потому нет почти ни одной новоприезжей на тот свет тени, которая бы не подавала на них челобитной Плутону или бы через него не пересылала их к Нептуну, не могущим однако ж со всею своею власттию унять сих шалунов. Итак, в. Маликульмульк бранит только сей их поступок, однако ж признается, что он сим похищениям и входам без доклада обязан многими весьма любопытными письмами, которые от них получает и делает благосклонность прочитывать без остатку.

Вот что объявляет секретарь ученого, премудрого и богатого Маликульмулька и прибавляет к тому, что как он не имеет достаточного числа денег для напечатания сих писем (ибо-де место секретаря у ученого человека очень неприбыльно), то просит почтенную публику, чтобы желающие читать и получать ежемесячно издаваемых им собрание сих писем благоволили подписываться в Санктпетербурге в Луговой Миллионной под № 77, в книжной лавке книгопродавца Миллера, заплатя наперед деньги за каждый экземпляр годовичного издания на александрийской бумаге по 7 руб., на любской по 6 руб., а на простой комментарной по 5 руб. В Москве в его же Миллеровой лавке, состоящей на Покровке, в 5 части, во 2 квартале, в доме г. бригадира князя Голицына, а в других городах у губернских в. почтмейстеров, с пересылкою как в Москву, так и во все другие города против вышеозначенного двумя рублями дорожке, т. е. на александрийской бумаге по 9, на любской по 8, на простой по 7 руб. Ежели же кому будет угодно отозваться прямо чрез Санктпетербургский почтамт к самим издателям, со вложением денег и с означением своих имен, откуда и будет им доставляемо. Имена подписавшихся будут припечатываемы при каждой части, которые состоять будут из четырех месяцев. Подписка же на сие издание продолжится во весь год.

Сверх того, тот же секретарь ученого Маликульмулька говорит: слух-де носится, что некоторые из издателей собирают по подпискам деньги и прячутся с ними, не выдавая обещанных книг, или когда и выдают, то в течение издания прерывают оные, а тем не выполняют своих обещаний, нимало не страшась справедливого порицания публики, хотя, впрочем, и не слышно, чтоб имели они сильное покровительство волшебников, а потому-де он, издатель сих листов, как своим секретарским именем, так тем, что служит у знатного волшебника, а паче тем, что по обещанию своему не вы-

дал первого сего месяца к первому числу января и очень может быть подозрителен, то во оправдание себя уверяет, что он, в противность секретарей всего света, не на корыстолюбии основал свое предприятие, но к удовольствию, а, если можно, и в пользу своих соотечественников. Неисполнение же обещания случилось по непривычному еще сего искусству в гадательной науке, отчего не мог он предугадать последовавших обстоятельств, намерению его воспрепятствовавших, но впредь обещается в исходе каждого месяца во все течение года выдавать издания сего по одной книжке, переплетенной в бумажку.

ВСТУПЛЕНИЕ

Стужа, дождь и ветер, соединясь, самый лучший день изо всей осени делали самым несносным для пешеходцев скучным для разъезжающих в великолепных экипажах. Грязь покрывала все мостовые; но грязь, которая своим цветом не так, как парижская догадливым французам, не приносила новой дани нам от Европы, а делала только муку щеголям, у которых, как будто в насмешку парижским и лондонским модам, ветер вырывал из рук *парасоли*, портил прическу голов и давал волю дождю мочить их кафтаны и модные луговицы. Все торопились добраться до домов, и многие бранили себя, что, понадеясь на календарь, вышли в хороших нарядах.

В такое-то прекрасное время возвращался я от его превосходительства господина Пустолоба, к которому осьмой месяц хожу по одному моему делу и который мне во сто пятнадцатый раз очень учтиво сказал, чтоб я пожаловал к нему завтра. Лестное приказание из уст вельможи, если оно повторяется не во сто пятнадцатый раз! Что до меня, то я, возвращаясь от него, бранил сквозь зубы его, все дела на свете, самого себя и проклятое *завтра*, для которого всякий день я должен был переходить пешком добрую итальянскую милю.

Ненастье умножалось, я был беден, а потому имел мало знакомых и перекутий; но, к счастью, увидел старый развалившийся деревянный дом, в котором (почитая его пустым) не думал никого обеспокоить своим посещением; и подлин-

но, это были пустые хоромы, где я нашел убежище от дождя; но не пашел его от беспокойных моих мыслей.

«Как! — говорил я сам в себе, — есть такие люди, которые имеют богатый доход, великолепный дом, роскошный стол за то только, что всякий день пескольким моим братьям беднякам учтиво говорят: *придите завтра*, думая им этим делать великое одолжение. О! что до меня, то я клянусь, что в последнее имел честь быть в прихожей его превосходительства. Пусть легионерные просители из всех улиц сходятся или съезжаются на дрожках, в каретах, пешком и на костылях слушать его учтивые *пожалуйста маэстри*, и я скорее соглашусь умереть с голоду в своем шалаше, нежели замерзнуть в его прихожей. Лучше иметь дело с чертами или с колдунами, нежели с бестолковыми...»

«Конечно, — сказал мне некто, — если ты обещаешься мне усердно служить, то увидишь, что колдуны и черти не столь вероломны, как о них думают, и что, по крайней мере, ни от которого из них ты не услышишь по одному делу сто пятнадцать раз *завтра*».

И оборотился назад, чтоб увидеть, от кого был сей голос; но в какой пришел ужас, увидя старика с седою бородою, возмзлого роста, и некотором роде шапки конической фигуры, в шляпе, усыпанной звездами, в поясе, на котором изображены были двенадцать знаков Зодиака. В руках он имел трость, которая была очень хорошо свита, по подобию наших модных соломенных тросточек, из трех ветвей — на черной, красной и зеленой; на шее, как щеголеватая красавица, имел он повешенный несколько заржавелый железный медалион на цепочке того же металла, который, однако ж, ценил он дороже всех европейских медалионов вместе. По всему этому наряду петрудно было мне догадаться, что это волшебник; а испугаться еще легче, для того, что я с природы труслив и с младенчества боюсь чертей, колдунов, пьяных подьячих, злых вельмож и проч., и проч., и проч.

«Милостивый государь! — сказал я ему, весь в страхе, — и мне благодарю за предложение, но...»

«И вижу, — перервал он, — что я тебе кажусь несколько испугож и что ты меня боишься».

«Признаюсь, сударь, — отвечал я ему, — что я, в первый раз видя ваш мундир, не могу удержаться от стра-

ха; конечно, вы иностранец, а может быть, и житель того света».

«Я Маликульмульк, — отвечал он, — и ремеслом волшебник; имя мое известно во всех трех частях света: в воздухе, в воде и в земле; у меня в них есть довольно пространные владения, и если ты примешь на себя название моего секретаря, то я отвезу тебя в свой увеселительный дом, паходящийся в Харибде, и оттуда пройдем мы богатою подземною галлереею в великолепные мои палаты, столшие под горою Этною».

«Государь мой! — отвечал я, — это не лучший способ склонять в свою службу людей с тем, чтоб их изжарить или утопить; правда, у нас иногда секретарей морят с голоду, но, по крайней мере, принимают их всегда с хорошими обещаниями...»

«Не опасайся, мой друг, — отвечал Маликульмульк, — ты увидишь, что в моих домах так же весело и спокойно, как в самых богатых вапих чертогах, и ничуть не жарко, так что один из вапих философов, тому уже несколько веков назал, вступил в мою службу управителем дома под Этною. Я думаю, вы все того мнения, что он сгорел; а вместо того ему там так показалось прохладно, что он выбросил назад оттуда свои туфли и ныне живет у меня очень спокойно; смотрит за моим домом и за библиотекою, которую я уже девять тысяч лет собираю. Он делает критические замечания на всех древних и новых философов, на все секты и на все науки, которые, может быть, скоро выдут в свет. Итак, ты видишь, что если бы было ему жарко, то бы он, конечно, не принялся за такую беспокойную работу, от которой можно вспотеть и в самой Гренландии. Я тебе обещаю не меньше выгодное содержание и дам тебе свободу жить, где ты ни пожелаешь».

С сим уговором согласился я вступить в службу почтенного Маликульмулька и, не хотя переменять жилища, выбрал к тому сей город.

«Если бы, — сказал я ему, — был у вас также и здесь какой-нибудь увеселительный дом, то бы я с охотою согласился в нем вам служить. Пожалуйте, господин Маликульмульк, — продолжал я, — купите себе здесь какой-нибудь дом, только, прошу вас, на истинные, а не на волшебные деньги, для того что здесь профессоры этой